

Андрей Воронцов
Тень Ахилла

Андрей Воронцов

Тень Ахилла

«Автор»

2026

Воронцов А.

Тень Ахилла / А. Воронцов — «Автор», 2026

Главный герой, историк-античник, разбирая вещи в квартире умершей тётки, находит саквояж деда, участвовавшего в вывозе трофейных ценностей в 1945 году. Внутри — фотография мраморной головы и сопроводительная ведомость на ящик, пропавший в 1946-м. Голова, предположительно эллинистический оригинал, исчезла из научного оборота в декабре 1942 года. Начав расследование, герой выходит на след секретной операции, которую в годы войны проводила нацистская организация Аненербе в оккупированной Керчи.

© Воронцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «ДОМ НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»	6
ГЛАВА 2. «ЛАКУНА»	10
ГЛАВА 3. «МИТРИДАТСКИЙ ТУПИК»	14
ГЛАВА 4. «ЭРМИТАЖ. ЗАКРЫТЫЙ КАТАЛОГ»	18
ГЛАВА 5. «ТЕНЬ ВЕНЕРЫ»	22
ГЛАВА 6. «ДОЧЬ»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Воронцов

Тень Ахилла

ПРОЛОГ

Этот сон приснился ему в ночь перед первым спуском. Видимо, сказались многие дни перенапряжения, физическая и эмоциональная усталость.

Фонарь он купил в керченском хозяйственном, кажется, за триста рублей, китайский, с синим отливом. Продавец, пожилой крымчанин в засаленной жилетке, долго проверял батарейки, потом сказал: «С таким мощным светом хоть в катакомбы». Потоцкий кивнул и расплатился. Осведомленность продавца его почему-то не удивила..

Сам спуск занял вечность, так как продвигался он крайне медленно, как бывает только во сне. Коридор петлял, раздваивался, уходил вниз, и под ногами хлюпала вода — холодная, по щиколотку. Обувь промокла, стала невероятно тяжелой, но он шёл. Воздух пах железом, плесенью и метрополитеном, которого тут никогда не было.

Луч фонаря выхватывал детали: ржавый стык рельсов, обрывок резинового кабеля на стене, немецкую маркировку «Siemens, 1941». Он трогал стены через каждый десяток шагов. Левая была холоднее, из неё тянуло сквозняком. Значит, где-то там, за скалой, пустота.

Дверь появилась внезапно, не в торце коридора, а в нише, утопленной в скалу. Тяжёлая стальная плита с засовом. Над засовом табличка готическим шрифтом: «Katalog der verlorenen Schatten». Он знал перевод, но всё равно прочитал про себя: «Каталог утраченных теней».

Засов поддался с сухим треском и как-то слишком просто. Он успел этот отметить даже во сне.

Зал. Столы, колбы, мензурки. Серая пыль на всём. В дальнем конце глухая стена, но в шестом ряду кладки один из блоков сидел неплотно. Он надавил, блок подался. За ним открылась ниша, а в ней деревянный ящик, обтянутый промасленной тканью.

Он вытащил ящик и поставил на стол. Откинул крышку. Внутри лежала голова. Мужская. Меньше натуры. Нос отбит, губы сохранились полностью: нижняя чуть выступала над верхней, создавая выражение не героическое, а скорбное, почти детское. Во сне он знал, на что смотрит.

Он сел на край стола и просто смотрел. В горле першило от каменной пыли. Мраморное лицо, освещённое фонарём сбоку, вдруг оживило и произнесло какую-то фразу на древнегреческом, с которым у него было хуже, чем с латынью. Он хотел было задать вопрос, что-то про Гомера и Троянскую войну, но в этот момент услышал шаги.

Размеренные, кто-то шел, не таясь. Каблуки, словно снабженные металлическими набойками, звонко стучали по бетону, потом по воде, потом снова по бетону. Приближались.

Он не стал выключать фонарь. Ящик стоял на столе, открытый.

Шаги остановились у входа. Тишина. Потом голос — сухой, хорошо поставленный, с московским выговором, но который показался ему до жути знакомым, произнёс из темноты: — Алексей. Мы знаем, что вы здесь. И нам нужно поговорить.

ГЛАВА 1. «ДОМ НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»

Ключ провернулся в замке с третьей попытки: личинка была старая, советская, и Потоцкий уже подумывал её заменить, но руки не доходили. Он надавил плечом на дверь. Филёнка подалась, и в лицо пахнуло каким-то нафталином, книжной пылью и чем-то сладковатым, может быть, застоявшимся воздухом, может быть, старой бумагой. Он перешагнул через порог, поставил сумку на пол и не стал сразу снимать обувь.

В прихожей было темно. Он нашарил выключатель — пластиковая клавиша, жёлтая от времени, — щёлкнул. Под потолком зажглась старая лампочка максимум в сорок ватт, осветив коридор: буфет с резными дверцами, вешалку с оленьими рогами, драповое пальто на плечиках. Пальто висело здесь столько, сколько Потоцкий себя помнил. Тётка Анна Павловна носила его до середины восьмидесятых, потом перестала, но снять забыла. Рукав покрылся слоем пыли, ровным, как напыление. Потоцкий вдруг подумал: тётка перестала следить за хозяйством за год до смерти. Сначала перестала мыть полы, потом — протирать пыль, потом — проветривать. А он, приезжая раз в полгода, делал вид, что не замечает. Теперь некого обманывать.

Он прошёл на кухню, открыл кран. Вода пошла рыжая, но через полминуты посветлела. Налил чайник, поставил на плиту. Газовая конфорка зажглась со вспышкой, плита была такой же старой, как и весь дом, с эмалированными ручками.

Квартира на Пречистенке досталась ему от тётки, умершей в марте. Анна Павловна Потоцкая, младшая сестра деда, скончалась тихо, во сне, не дожив до восьмидесяти восьми трёх месяцев. Хоронили скромно: Потоцкий, две соседки, женщина из собеса и священник, которого тётка в последние годы полюбила и звала «мой утешитель». Потоцкий стоял у могилы, смотрел на гроб, обитый красной тканью с золотым крестом, и думал о том, что из всех Потоцких, кроме него, не осталось никого. Отец ушёл из семьи, когда ему было девять, и сгинул где-то в Сибири. Мать умерла в две тысячи пятом. Дед — в восемьдесят втором. Теперь и тётка.

За окном был двор-колодец. Стены в пять этажей, из ближайшей забегаловки доносился запах жареного лука. Москва жила, не замечая, что кто-то умер.

Квартиру предстояло разбирать. За сорок лет, прошедших с тех пор, как тётка после смерти деда переехала в его комнату, а свою заперла, здесь скопилось столько вещей, что Потоцкий, входя, всякий раз чувствовал себя археологом, вскрывающим культурный слой. Он уже разобрал гостиную: вывез старый телевизор «Рекорд», три электрических самовара, стопку журналов «Огонёк» начала восьмидесятых и коробку с надписью «пуговицы белые, от всех пальто». Оставался кабинет.

Кабинет деда.

Он помнил эту дверь с детства: тяжёлая дубовая филёнка, латунная ручка, отполированная до блеска чужими ладонями. В детстве она казалась ему входом в святилище — туда, где дед говорит с невидимыми людьми по телефону, где пахнет табаком и сургучом, где на столе лежат бумаги, которых нельзя касаться. Он помнил, как однажды, когда ему было лет десять, он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Дед сидел за столом и не обернулся. Но через минуту сказал, не поднимая головы: «Закрой дверь, Алёша. Не сейчас». Не сейчас».

Он допил чай, сполоснул чашку и пошёл в коридор. Дверь в кабинет находилась в торце, рядом с кладовкой. Ключ в замочной скважине, тётка не запирала её, но и не входила без нужды. Потоцкий повернул ручку.

Здесь пахло иначе, суше, с нотой табака и старого переплётного клея. Комната была небольшой, метров пятнадцать, с окном во двор. Вдоль левой стены книжный шкаф до потолка, набитый томами в тёмных переплётках. Вдоль правой — письменный стол дубового шпона, лампа под зелёным абажуром, бронзовый чернильный прибор без чернил. На стене — фотография в рамке: Павел Андреевич Потоцкий в форме майора, сорок четвёртый или сорок пятый

год. Лицо жёсткое, скуластое, глаза светлые, взгляд прямой, без улыбки. На обороте рамки мать когда-то написала карандашом: «Папа, 1945, Берлин».

Потоцкий сел в кресло, покрутил глобус на столе — деревянный, довоенный, с надписью «Глобус. СССР. Издание ГУГК». Границы были старые: Германия ещё единая, Польша довоенная. Он крутанул глобус сильнее, и континенты слились в цветную полосу.

Под столом стоял саквояж.

Он был задвинут в угол, между ножкой стола и книжным шкафом. Кожаный, с двумя латунными замками, с протёртой ручкой, обмотанной изолентой. Потоцкий помнил этот саквояж с детства. Он стоял в дедовом кабинете всегда, на одном и том же месте, замкнутый. Однажды в детстве он попытался открыть замки просто из любопытства, и дед, обычно тихий и отстранённый, вдруг сказал: «Не трогай». Сказал спокойно, но так, что Алёша отдернул руки и больше к саквояжу не прикасался.

Деда не было уже сорок лет. А саквояж стоял на том же месте.

Потоцкий вытащил его на свет. Саквояж оказался тяжелее, чем он ожидал, килограмма три, не меньше. Кожа потемнела, покрылась сеткой мелких трещин, но в целом сохранилась хорошо. Ключа не было. Потоцкий подумал, сходил на кухню за отвёрткой, вставил плоский конец в щель между замком и корпусом, надавил. Замок щёлкнул и открылся. Второй поддался легче.

Внутри лежали бумаги. Верхний слой — машинописные ведомости, сложенные пополам. Бумага пожелтела, но текст читался. Потоцкий пробежал глазами: «Опись перемещённых культурных ценностей. Дрезденская картинная галерея. Ящик № 112. Инв. № 145-К. Джорджоне. Спящая Венера. Холст, масло. Состояние: удовлетворительное». Ниже — «Инв. № 147-К. Рафаэль Санти. Сикстинская Мадонна. Холст, масло. Состояние: удовлетворительное».

Стандартная трофейная документация. Потоцкий знал, что дед участвовал в вывозе Дрезденской галереи в сорок пятом, об этом в семье говорили скупно, но с оттенком гордости: спас, сохранил, вернул. Что именно делал майор Потоцкий — описи, упаковку, транспортировку, — никто не уточнял. Сам дед о войне не рассказывал, как и многие ветераны. Приходил с работы, запирался в кабинете, выходил к ужину молчаливый. На вопросы отвечал односложно. Мать говорила: «Папа устал от войны».

Под ведомостями лежала папка. Картонная, серая, с тканевыми завязками, выцветшими до белизны. На верхней крышке надпись чёрной тушью, готическим шрифтом:

Sonderaktion P. Archiv Kertsch.

Ниже — карандашом, дедовым почерком: «Ахилл? Изъят Аненербе 15.12.42. Дальнейшая судьба неизвестна».

Потоцкий развязал завязки и открыл папку.

Внутри лежали фотографии. Чёрно-белые, с зубчатыми краями, напечатанные на плотной бумаге. Первая — золотая серьга с подвеской, скифская работа, всё ясно. Вторая — терракотовая статуэтка, женская фигура, Керчь. Третья — фрагмент краснофигурного кратера с изображением грифона. Четвёртая, пятая, шестая — амфорные ручки, монеты, бляшки. Рутина.

Он перебирал снимки, автоматически фиксируя детали, пока не дошёл до последнего.

Эта фотография была другой — не полевой, не музейной, а сделанной в помещении при направленном свете. Мраморная голова в профиль. Мужская. Масштабной линейки на снимке не было, но по пропорциям явно меньше натуры. Освещение выставлено так, чтобы подчеркнуть резцовую технику: короткие, точные следы на скуловой кости, глубокие тени от буравчика в локонах. Съёмка явно искусствоведческая, не службистов.

Потоцкий поднёс фотографию к лампе и стал рассматривать.

Резец шёл под углом примерно в тридцать градусов, так работали эллинистические мастера, снимая тонкий слой мрамора и оставляя поверхность матовой, а не глянцевой, как у

римских копий. Буравчик входил в завитки глубоко, на три-четыре сантиметра, и выходил под тем же углом — приём, скорее, характерный для школы Лисиппа, но это требовало дополнительного исследования. Нижняя губа выступала над верхней, создавая асимметрию, которую римские копиисты всегда сглаживали, потому что она казалась им дефектом. Здесь сглаживания не было.

Он перевернул фотографию. На обороте была надпись по-немецки, тем же готическим шрифтом: «Marmorkopf. Achill? Kertsch, Dezember 1942». Ниже — дедовой рукой, химическим карандашом: «Эллинистический оригинал? Школа Лисиппа? Сравнить с берлинским Ахиллом».

Потоцкий отложил снимок и откинулся в кресле.

Вещь музейного уровня. Эллинистический оригинал. Школа Лисиппа — то есть конец четвертого века до нашей эры. Северное Причерноморье. Таких находок в Керчи не было с довоенных раскопок. Если голова сохранилась, это сенсация для всего антиковедения.

Но её не существовало.

Он знал это точно. За двадцать лет работы с античной скульптурой он изучил все опубликованные каталоги эллинистических памятников Северного Причерноморья. Керченские находки — боспорские надгробия, терракоты, золото, фрагменты статуй — были описаны и переписаны. Мраморная голова школы Лисиппа не упоминалась ни разу. Ни в советских, ни в немецких, ни в послевоенных публикациях. Исчезла из научного оборота в декабре 1942 года.

Он снова взял фотографию в руки. Посмотрел на надпись деда — «Эллинистический оригинал?» — и понял, что тот не был уверен. В сорок втором дед не мог видеть эту голову, он служил не в Крыму. Значит, фотография попала к нему позже. Возможно, уже после войны, когда началась работа с трофейными архивами. Дед нашёл снимок, определил школу, поставил вопрос и дальше не пошёл. Почему?

Потоцкий вернулся к папке. Под фотографиями лежали ещё несколько листов, уже не немецких, а русских. Машинопись, гриф «Для служебного пользования», дата: март 1946 года. Сопроводительная ведомость на один ящик: «Ящик № 7/Керчь — скульптура малых форм, мрамор — передан т. Потоцкий П.А., Пиллау, 12 марта 1946 г.».

Он перечитал. Пиллау — порт в Восточной Пруссии, перевалочный пункт трофейного имущества. Дед принял ящик, расписался, (подпись была неразборчива, завиток в конце), и передал дальше. Но в ведомости не указано, кому именно передал. Графа «получатель» пустовала. Только входящий номер.

Потоцкий встал, подошёл к окну. Во дворе стемнело, горел фонарь, тени лежали на асфальте косыми линиями. Какое-то время смотрел в темноту.

Через десять минут он вернулся к столу, открыл ноутбук и до двух ночи шерстил академические базы. Поднял все доступные каталоги. Пробыл ключевые слова: «Керчь, мраморная голова, 1942», «Аненербе, Керчь, изъятие», «Ахилл, мрамор, школа Лисиппа, Северное Причерноморье», «Marmorkopf, Kertsch, Achill». Система молчала. Голова не существовала ни в одной музейной описи, ни открытой, ни архивной. Как будто её вынули из истории в декабре 1942 года и забыли положить обратно.

Он взял телефон, подумал и написал сообщение в Дрезден: «Приеду в конце месяца. Нашёл кое-что по деду. Нужно проверить». Ответ пришёл через минуту: «Ок. Жду». Соня никогда не задавала лишних вопросов, в этом она пошла в мать.

Мелькнула мысль написать Леденёву. Когда-то они вместе начинали, сидели на одних лекциях в МГУ, спорили о Гомере и пили портвейн на ступенях университета. Но то было давно. После истории с реституцией в 2015-м, когда Дмитрий неожиданно выступил против него на закрытом заседании экспертной комиссии, их общение сошло на нет, сначала до редких сухих писем, потом до молчания. Леденёв теперь консультировал министерство, входил

в какие-то комитеты, мелькал в новостях. Потоцкий не держал зла, но и писать ему сейчас, с какими-то теориями заговора незачем.

Завтра надо будет съездить в институт, проверить кое-что по бумажным архивам, которые не оцифрованы. А послезавтра? Что ж, придется лететь в Керчь..

Он ещё не знал, во что ввязывается.

ГЛАВА 2. «ЛАКУНА»

Наступления утра он едва дождался. Растворимый кофе — плохая замена зерновому, который Потоцкий всегда предпочитал, но другого не нашлось. Он залил сублимированный порошок кипятком и сел к столу в дедовом кабинете. За окном разгорался серый московский март, температура плюс два, гололёд, пробки на Садовом.

Он открыл ноутбук и первым делом проверил почту. Три письма от заказчиков: два аукционных дома и частный коллекционер из Тель-Авива, который в третий раз просил подтвердить аутентичность римской бронзы, хотя Потоцкий в прошлый раз написал ему заключение на восьми страницах с приложением спектрального анализа. Люди хотят слышать только то, что подтверждает их ожидания. Он ответил коротко: «Заключение высылал 14 февраля. Дополнительных данных не имею».

Открыл новое окно браузера, вошёл в базу перемещённых культурных ценностей — совместный проект России и Германии, запущенный в начале двухтысячных и с тех пор несколько раз замораживавшийся из-за политических разногласий. Интерфейс был неудобный, поиск медленный, но Потоцкий знал эту базу как собственную квартиру. Вбил номер ящика из дедовой ведомости: «7/Керчь».

Система думала четырнадцать секунд. Выдала: «Информация не найдена».

Он попробовал по ключевым словам: «Керчь, мрамор, 1942, Аненербе». Ничего. «Ахилл, мраморная голова». Ничего. «Sonderaktion P». Запрет доступа.

Это могло означать что угодно: от технического сбоя до грифа, который не снят до сих пор. Потоцкий сделал пометку в блокноте: «Проверить Sonderaktion P по бумажным описям. Архив Минкульта?».

Потом вышел из базы и открыл почтовый клиент. Нашёл адрес Керченского музея древностей, того самого, откуда в декабре 1942 года была изъята голова. Написал коротко, без подробностей: «Уважаемые коллеги, я, Потоцкий Алексей, доктор исторических наук, специалист по античной скульптуре Северного Причерноморья, разыскиваю информацию о мраморной голове, предположительно изъятой из фондов музея в декабре 1942 года. Буду благодарен за любые сведения. Готов предоставить фотоснимок». Прикрепил скан фотографии из дедовой папки - в профиль, с боковым светом. Отправил.

Телефон звякнул. Сообщение от бывшей жены: «Соня спрашивает, когда ты прилетишь. Скажи точнее, ей нужно расписание». Потоцкий ответил: «Дней через десять дней. Куплю билеты сегодня». Марина не ответила. Он и не ждал.

До института он доехал на метро. Поезд был полупустой, час пик уже прошел, и он сел у окна, достал планшет, открыл статью о школе Лисиппа, которую не дочитал вчера. Автор, немецкий профессор с трудно произносимой фамилией, доказывал, что поздние эллинистические портреты Александра имеют общие черты с неизвестной группой памятников из Северного Причерноморья, возможно, вывезенных из Ольвии или Пантикапея. Потоцкий пролистывал абзацы, пока поезд вёз его к «Библиотеке имени Ленина», и думал о том, что немецкий профессор, сам того не зная, описывает приёмы, которые он видел вчера на дедовской фотографии.

Институт археологии РАН занимал часть старого здания в Леонтьевском переулке. Потоцкий вошёл через проходную, кивнул вахтёру, тот его помнил, хотя постоянного пропуска у Потоцкого теперь не было, и поднялся на третий этаж. Коридор был длинный, с высокими потолками и запахом старого линолеума. На стенах висели афиши конференций трёхлетней давности.

Кабинет 312. Табличка: «Отдел античной археологии». Он постучал и вошёл.

Лариса Петровна, бессменный хранитель отдела, сидела за столом, заваленным папками и распечатками. Ей было под семьдесят, она носила очки на цепочке и печатала на компьютере двумя пальцами с такой скоростью, что молодые коллеги завидовали. При виде Потоцкийя она сняла очки и улыбнулась.

— Алёша. Живой. А говорили, ты в коммерцию ушёл.

— Я и ушёл, — сказал Потоцкий. — Но это не мешает мне быть живым. Лариса Петровна, можно к архиву? Мне нужно поднять кое-что по довоенным описям Керченского музея.

— Керчь? — Она поправила очки. — Довоенные описи — это же фонд тридцать семь. Ты знаешь, он в подвале.

— Знаю.

— И он не оцифрован.

— И это знаю.

Лариса Петровна вздохнула, достала из ящика стола ключ с биркой и протянула ему.

— Распишись. И не кури там, пожалуйста.

— Я не курю, — сказал Потоцкий.

— Ты-то не куришь, а вот до тебя там практиканты что-то чуть не сожгли.

Подвал был именно таким, каким он его помнил: бетонный пол, стальные стеллажи, лампы дневного света, гудящие с частотой, от которой через час начинала болеть голова. Воздух был сухой, почти больничный, но с примесью того особого запаха, который бывает только в старых архивах: пахло не бумагой и не картоном, а временем — тем, что остаётся от документов, когда чернила выцветают, а страницы желтеют. Потоцкий любил этот запах. Он напоминал ему о том, что любая история, даже самая мёртвая, когда-то была живой, писалась чьей-то рукой, читалась чьими-то глазами. Он взял первую папавшую папку и провёл пальцами по корешку: бумага была шершавой, с мелкими заусенцами. Фонд 37 занимал четыре стеллажа в дальнем углу. Потоцкий нашёл нужную полку — «Керченский музей. Описи. 1938–1941» — и стал перебирать папки.

Довоенные описи велись от руки, чернилами разного цвета. Почерк у музейных работников был разборчивый, почти каллиграфический. Потоцкий листал страницу за страницей, выискивая упоминания мраморной скульптуры. Золото — много. Терракота — сотни позиций. Керамика — отдельная опись. Мрамор — всего несколько штук, и все известные: фрагмент надгробия, торс мужской, голова женская, римское время.

Никакого Ахилла.

Он проверил дважды. Потом взял следующую папку — «Акты изъятия и передачи. 1941–1943». Здесь бумага была хуже, военного времени, желтоватая, с рыхлыми краями. Акт за декабрь 1942 года — изъятие в пользу Аненербе. Перечислены предметы: золотые украшения, терракотовые статуэтки, фрагменты керамики. В конце оказалась приписка: «Мраморная голова (фрагмент), инв. № отсутствует». И подпись немецкого офицера размашистая, неразборчивая.

Инвентарный номер отсутствовал. Значит, голова была найдена незадолго до изъятия и не успела попасть в основную опись. Или её не вносили намеренно. Потоцкий переснял страницы на телефон и вернул папку на место. В довоенной музейной практике такое случалось редко — каждый предмет, даже самый незначительный, имел номер. Но война меняла правила. Когда фронт подходит к городу, когда каждый день может стать последним, учёт становится роскошью, и, возможно помехой. Успеть бы вывезти то, что можно. А описи потом. И это “потом” могло никогда не наступить.

В коридоре его перехватил Марк Ильич, заведующий отделом, человек шестидесяти с лишним лет, с бородкой клинышком и манерой говорить тихо, словно сообщая государственную тайну.

— Потоцкий. Слышал, ты Керчью интересуешься.

— Есть немного.

Марк Ильич покачал головой.

— Аккуратнее. Там, — он сделал паузу, — не всё просто.

— Что именно?

— Не знаю. Но был один случай. Году в девяносто восьмом приезжал немец, тоже по Керчи работал, с Аненербе связан был, что-то искал. А потом исчез. В смысле, уехал и больше не появлялся. Может, нашёл, может, наоборот.

Он смотрел на Потоцкийя поверх очков.

— Ты, главное, не исчезай.

— Я и не планирую, — сказал Потоцкий.

Он поймал себя на мысли, что фраза застряла в голове. Не исчезай. Он знал, что это не просто шутка. В их цеху — в мире археологии и музейного дела — исчезали люди. Не часто, но бывало. Потоцкий вспомнил, что слышал и раньше о каком-то несчастном иностранце, пропавшем в Крыму, но никогда не придавал этому значения. А сейчас это напоминание прозвучало несколько зловеще и вызвало у него тревогу. Вероятно, добрый Марк Ильич и добивался такого эффекта.

Из института он вышел в четвёртом часу. На улице потеплело до четырёх градусов, снег на газонах съёжился и почернел. Он остановился у входа, достал телефон, проверил почту. От Керченского музея — тишина. Он пролистал ленту новостей, рассеянно скользя взглядом по заголовкам: санкции, курс евро, авария на МКАДе. Всё это казалось далёким и ненастоящим, как фон за окном скоростного поезда.

Он вызвал такси и поехал домой.

Вечер ушёл на систематизацию. Он разложил на столе всё, что имел: фотографию головы, дедову записку, копию сопроводительной ведомости 1946 года, снимки из архивных папок. Открыл чистый файл в текстовом редакторе и начал набрасывать хронологию.

Декабрь 1942. Керчь. Голова изъята Аненербе.

1943–1945. Местонахождение неизвестно.

Март 1946. Пиллау. Ящик № 7 передан П.А. Потоцкийю.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Между второй и третьей строкой зиял провал в три года. Три года, за которые мраморная голова могла оказаться где угодно: в лаборатории, в частной коллекции, в штольне, в земле сибирского лагеря, в подвале европейского музея — или просто исчезнуть, как исчезали тысячи единиц хранения во время войны.

Он ещё раз посмотрел на ведомость. Графа «получатель» — пустая. Но номер ящика — «7/Керчь» — был вписан теми же чернилами, что и остальной текст. Значит, номер присвоили сразу. И если кто-то принимал ящик дальше по цепочке, он должен был где-то расписаться.

Потоцкий открыл базу перемещённых ценностей ещё раз, теперь через прокси-сервер в Германии, чтобы обойти ограничения по доступу. Зашёл в немецкий сегмент. Вбил номер ящика.

Система выдала короткую справку: «Kiste Nr. 7/Kertsch. Empfänger: Sonderstab Antike, Berlin-Dahlem. 17.03.1946».

Sonderstab Antike — особая группа по античности. Он не слышал о такой структуре. В официальных перечнях трофейных организаций она не значилась ни с советской, ни с немецкой стороны. Он попробовал найти её в поисковике: ноль результатов. В научной литературе — ноль. В архивных справочниках — аналогично.

Организация, которой не существовало.

Потоцкий закрыл ноутбук и некоторое время сидел, глядя в потолок. Мысль, которую он отгонял последние сутки, теперь оформилась окончательно. Дед знал. Дед не просто принял ящик и передал дальше. Дед оставил папку в саквояже с замками, которые должны были открыться. Кому? Ему, Алексею? Или вообще никому, просто не смог сжечь?

Он взял телефон и купил билеты до Керчи на послезавтра. Вылет в шесть утра, пересадка в Симферополе, на месте — к полудню. Потом открыл переписку с Соней и написал: «Куплю билеты в Дрезден после возвращения из Крыма. Нужно съездить на пару дней». Ответ пришёл не сразу. «Ты что-то ищешь?» — «Пока не знаю». — «Ок. Береги себя».

Он отложил телефон и подошёл к окну. Москва за окном жила своей жизнью: светились окна, шумел лифт, где-то наверху сосед слушал подкаст на повышенной громкости. Потоцкий стоял и думал о том, что завтра ему предстоит разговор с человеком, который, возможно, видел голову воочию. Или знает тех, кто видел.

ГЛАВА 3. «МИТРИДАТСКИЙ ТУПИК»

Самолёт приземлился в Симферополе в восемь сорок по местному. Потоцкий вышел из терминала, миновал таксистов, которые наперебой предлагали довезти до Ялты за бешеные деньги, и нашёл автобус до Керчи. Автобус был старый, с продавленными сиденьями и кондиционером, который не работал. Он сел у окна, воткнул наушники.

Автобус медленно выползал из Симферополя, и город кончился не сразу: сначала частные дома с виноградниками, потом бетонные заборы гаражных кооперативов, потом пустырь, заросший сухой травой и лопухами. За пустырём начиналась степь. Потоцкий не устал смотреть на неё. Она была бесконечной, плоской, однообразной — и от этого завораживающей. В степи исчезают краски, остаются только оттенки: жёлтый, бурый, серый, иногда — если повезёт — бледно-зелёный там, где озимые успели взойти. Небо над степью было низким, с рваными облаками, и казалось, что оно давит на землю, прижимает её к морю, которое ждало где-то за горизонтом.

В Керчь автобус прибыл в начале первого. На автовокзале пахло выхлопными газами и чебуреками. Потоцкий взял такси и поехал в гостиницу. Керчь была городом, который не пытался нравиться. Дома здесь стояли вперемешку: сталинские пятиэтажки с лепниной соседствовали с хрущёвками, хрущёвки — с новостройками из белого кирпича, новостройки — с руинами, затянутыми строительной сеткой. Война, перестройка и последовавший за ней распад Союза не пощадили Керчь, и город не скрывал своих шрамов. Но в этом была своя правда, которую Потоцкий, уроженец Москвы, с её отреставрированными фасадами и газонами, не мог не уважать. Керчь была честной. Она не притворялась, что не видела смерти. Но стремилась к вечному возрождению.

Заселился, бросил рюкзак на кровать, проверил телефон. Сообщений от Керченского музея по-прежнему не было. Он написал им ещё раз — коротко, с указанием, что находится в городе и готов подойти лично. Отправил. Не ждал ответа.

В час дня он уже стоял перед зданием музея на улице Айвазовского. Одноэтажное, белое, с колоннами — классический южный особняк, перестроенный под музей ещё до войны. Внутри было тихо и пусто: не сезон, туристов нет. Пахло мастикой для полов и старым деревом. Потоцкий купил билет и прошёл в зал античности.

Экспозиция была скромной: несколько витрин с золотыми украшениями, терракотовые статуэтки, амфоры, фрагменты надгробий. Он прошёл вдоль витрин, автоматически отмечая инвентарные номера. Ничего похожего на мраморную голову. Он и не ожидал её здесь найти.

У третьей витрины стоял пожилой мужчина в сером халате и протирал стекло. Лет семьдесят, невысокий, с седой щетиной и глубокими залысинами. Двигался медленно, но руки были точными, так двигаются люди, которые привыкли работать с хрупкими предметами.

— Вы хранитель? — спросил Потоцкий.

Мужчина обернулся. Глаза у него были тёмные, влажные, с припухшими веками, как бывает у человека, который пьёт или плачет, или и то и другое по очереди.

— Допустим, — сказал он. — А вы?

Потоцкий представился. Мужчина выслушал, кивнул.

— Фемистоклов. Георгий Христофорович. Археолог. Бывший.

— Бывший?

— На пенсии. Семьдесят два года. Копать уже не дают, а здесь разрешили витрины протирать. — Он усмехнулся. — Так что, можно сказать, повезло.

Потоцкий достал из рюкзака распечатку фотографии из дедовой папки.

— Я ищу вот это. Мраморная голова, предположительно эллинистический оригинал. Изъята из Керченского музея в декабре сорок второго года.

Фемистоклов взял снимок. Посмотрел. Потом снял очки, протёр их краем халата, снова надел и посмотрел ещё раз.

— Декабрь сорок второго, — повторил он. — Аненербе?

— Да. Вы что-то об этом знаете?

— Я знаю, что в конце сорок второго немцы что-то вывозили из музейных подвалов. У них была какая-то особая команда — не просто зондеркоманда, а что-то другое. Из Берлина. Копали на Митридате, копали в некрополе. И музейные фонды трясли. Что именно взяли, бог знает. Многое тогда погибло. Да, и описи пропали.

— Пропали?

— Сгорели. Или были уничтожены. По официальной версии, при отступлении в сорок четвёртом. По неофициальной... - он развёл руками.

Потоцкий смотрел на него.

— Что — по неофициальной?

Фемистоклов оглянулся. В зале никого не было, только на входе дремала смотрительница. Он перешел на шёпот:

— Есть одна легенда. Даже не легенда — так, семейная история. Мой отец, он тоже археологом был, здесь до войны работал. В оккупацию остался в Керчи, не успел эвакуироваться. Немцы его не тронули, потому что понимали: он Митридат как свои пять пальцев знает. Заставили показывать раскопы, каменоломни. Позже он мне уже взрослому рассказывал, в семидесятых, что немцы искали не просто какое-то золото или ценности. Они искали что-то конкретное. Какую-то статую. Или её часть.

— Голову?

— Не знаю. Он понял только, что: «им нужна была тень». Так и выражался — «тень». Я думал, метафора.

Потоцкий почувствовал, как что-то холодное прошло по позвоночнику. Не страх, скорее узнавание. Слово, которое он уже видел. «Schatten». Тень.

— Ваш отец что-то еще рассказывал?

— Он умер в восемьдесят втором. Не любил он распространяться на эту тему.

— А записи? Дневники?

Фемистоклов покачал головой.

— Ничего не осталось. Он после войны боялся писать. Боялся вообще говорить. Знаете, как тогда было: если ты работал на немцев, пусть даже под дулом автомата, — ты коллаборационист. Его не посадили чудом. Он молчал до самой смерти.

— Но вам он рассказал.

— Мне — да. — Фемистоклов снял очки и стал протирать их снова, хотя они были уже чистыми. — Он говорил: «Гоша, немцы там, на горе, такую дыру проковыряли, что мама не горюй. И всё в эту дыру свозили. А потом, когда уходили, все взорвали». Я у него спрашивал — зачем им гора? А он отвечал: «Там земля старая. Очень старая. Она помнит то, чего люди не помнят».

Потоцкий помолчал.

— Вы можете показать мне это место?

— Какое место?

— Где была штольня.

Фемистоклов задумался на секунду.

— Там ничего нет. Там с тех пор никого и не было. Склон, кусты, мусор. Что вы хотите там найти?

— Пока не знаю.

Старый археолог вздохнул, сложил тряпку, которой протирал витрину, и сказал:

— Завтра у меня выходной. Приходите к девяти утра. Только оденьтесь теплее, там ветер с моря.

Утро было холодным, и ветер действительно дул с моря — сырой, солёный, пронизывающий до костей. Потоцкий ждал у входа в музей. Фемистоклов пришёл без двух девять, в старом брезентовом плаще и вязаной шапке, надвинутой на самые брови. В руке у него была палка, не трость, а именно палка, грубо обструганная, с загнутым концом.

— Пошли, — сказал он вместо приветствия.

Они двинулись вверх по улице, мимо частных домов с виноградниками, мимо ржавых гаражей и пустырей, заросших сухой травой. Гора Митридат поднималась над городом — невысокая, но доминирующая над местностью. Вершина была увенчана обелиском Славы, который отсюда, снизу, казался спичкой, воткнутой в камень. Потоцкий шёл и думал о том, что этот склон помнит греков. Помнит, как здесь, на вершине стоял акрополь Пантикапея, как по этим улицам ходили скифы, сарматы, римляне, гунны, хазары, гунуэзцы, турки. Двадцать шесть веков истории — и ни одного здания старше двухсот лет. Войны всё сметали. Но земля оставалась. Земля помнила всё.

— Нам не на вершину, — сказал Фемистоклов, сворачивая на едва заметную тропинку, уходившую влево. — На западный склон. Там раньше были старые каменоломни, ещё греческие. А потом, в войну, немцы их расширили.

Тропинка петляла между кустами боярышника. Почва была каменистой, с выходами известняка. Потоцкий смотрел под ноги и думал о том, что этот склон помнит Пантикапей, помнит Митридата, помнит римлян и гунуэзцев, эта земля была источником мифов и местом ужасающих войн.

Минут через двадцать Фемистоклов остановился.

— Здесь.

Потоцкий огляделся. Ничего особенного: пологий склон, заросший травой и редким кустарником. Выход скальной породы — известняк, покрытый лишайником. И провал. Неглубокий, метра полтора, заросший травой. Если бы не знать, что ищешь, прошёл бы мимо.

— Это вход? — спросил он.

— Точнее то, что от него осталось. Видите, бетонный край торчит? Немецкая заливка. Они вход укрепили, а когда уходили, подорвали. После войны сапёры проверяли, сказали, что за ним какая-то пустота. Но внутрь не лезли. Опасно было, да и не до того. Засыпали и забыли.

Потоцкий подошёл ближе, присел на корточки. Бетонный фрагмент действительно торчал из-под земли, он был серый, с вкраплением гальки, немецкая военная технология. Кое-где сохранилась опалубка. Он потрогал бетон, потом достал телефон и сделал несколько снимков.

— А ваш отец говорил, что они туда свозили?

— Говорил, что ящики. Много ящиков. Он видел разгрузку ночью, при свете фар. Сказал, что это было похоже на похороны.

— На похороны?

— Да. Медленно, тихо, без разговоров. Как будто хоронили что-то. Или кого-то.

Потоцкий выпрямился.

— Вы знаете кого-нибудь, кто ещё мог бы помнить?

Фемистоклов покачал головой.

— Из стариков — никого. Наверное, я последний. — Он помолчал. — А зачем вам это? Вы же историк. Ну, найдёте вы эту голову. Что дальше?

— Не знаю, — сказал Потоцкий. — Пока не знаю.

Фемистоклов посмотрел на него и вдруг улыбнулся — невесело, одними уголками губ.

— Знаете, что мой отец говорил напоследок? Он говорил: «Если бы немцы хотели просто украсть, они бы украли. Но они делали нечто совсем другое». Я тогда не понял. А вы?

Потоцкий ничего не ответил. Он стоял над заросшим провалом и смотрел на серый бетон, и мысли в его голове выстраивались в цепочку, которая пока не давала ответа, но уже обволакивала его.

Фемистоклов тронул его за плечо.

— Замёрзли? Пошли обратно. У меня дома чай есть, с мятой.

— Спасибо, — сказал Потоцкий. — Но мне нужно возвращаться. Завтра самолёт.

— В Москву?

— Пока в Москву.

Они спустились в город. У здания музея Фемистоклов остановился, порылся в кармане плаща и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Вот. Это схема. Отец нарисовал перед смертью. Я хотел выбросить, но не смог. А вчера после нашего разговора, вспомнил. Может, вам пригодится.

Потоцкий взял листок. Бумага была старая, на сгибах протёртая до дыр. На ней — карандашный рисунок: линия коридора, ответвления, квадрат зала. Внизу — подпись: «К.У.Т.» и дата: 1981 год.

— «К.У.Т.», — прочитал он вслух. — Что это?

— Не знаю. Отец не объяснил.

Потоцкий сложил листок и убрал во внутренний карман.

Вечером он сидел в гостиничном номере и разглядывал схему. Линия коридора. Три ответвления. Камера. Зал. Инициалы «К.У.Т.». Он перебирал в уме возможные расшифровки — немецкие, русские, латинские. «Katalog...» Нет. «Kunst...» Нет. «Krim...» Нет.

Он открыл ноутбук, зашёл в немецкий сегмент архива и вбил «К.У.Т.» в поисковую строку.

В ожидании результата он вспомнил вдруг странную фразу, брошенную Фемистокловым, когда они уже прощались у входа в музей. Старый археолог, уже взявшись за ручку двери, вдруг обернулся и сказал: «Вы знаете, Алексей, а ведь несколько лет назад, году в пятнадцатом, приезжал ваш московский коллега. Леднёв, кажется. Спрашивал про старые каменоломни, про немецкие штольни. Я ему тогда ничего не рассказал — он произвел на меня не очень приятное впечатление. А вам вот рассказываю. Странно, да?»

Странно было другое. Почему Леденёв, который, как Потоцкий помнил, давно отошёл от полевой археологии, занимался тем же самым поиском? И почему он ему об этом не рассказывал?

Система подумала и выдала один результат.

«К.У.Т. — Katalog der verlorenen Töne. Projekt nicht realisiert. Siehe auch: Schatten. 1943.»

Каталог утраченных звуков. Проект не реализован. См. также: Тень. 1943.

Потоцкий откинулся на спинку стула. Утраченные звуки. Утраченные тени. «Schatten». Тень. Операция «Тень». Проект не реализован, но ссылка на «Тень» осталась. Значит, каталог был частью чего-то большего. Музыка? Акустика? Или слово «Топ» имело другое значение — слой, оттенок? Оттенок тени. Каталог оттенков тени.

Он посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Завтра самолёт в Москву, а послезавтра — встреча в Эрмитаже, с Марковым, хранителем трофейного фонда. Оставалось только надеяться, что старик согласится говорить.

Потоцкий закрыл ноутбук и лёг, не раздеваясь. Сон пришёл не сразу. Перед глазами стоял заросший провал на западном склоне Митридата и чёрный зев подземелья, похожего на Аид.

ГЛАВА 4. «ЭРМИТАЖ. ЗАКРЫТЫЙ КАТАЛОГ»

Поезд пришёл в Петербург в восемь утра. Потоцкий не любил «Сапсаны», слишком быстро, слишком гладко, никакого чувства расстояния, но самолёт из Крыма опоздал на стыковку, и пришлось брать билет на ночной. Он спал плохо, урывками, а когда не спал, смотрел в окно на пролетавшие мимо новгородские леса и перебирал в уме то, что имел.

Фемистоклов дал ему схему. Она вела в штольню на западном склоне Митридата. Штольня, судя по архивной записи, была связана с проектом «К.У.Т.», а тот, в свою очередь, был частью операции «Тень». Но что такое операция «Тень», он пока не понимал. Sonderstab Antike, организация-призрак. Ящик № 7, прошедший через руки деда в марте 1946-го. И голова Ахилла — вещь, которой официально не существовало.

Всё это напоминало раскоп: верхний слой снят, но до нужного уровня ещё далеко.

Московский вокзал встретил его мокрым снегом и толпой. Потоцкий взял такси и назвал адрес на Дворцовой. Водитель, молодой парень в пуховике, всю дорогу слушал новости по радио: опять что-то про санкции, про пандемию и послабления в ограничениях, про очередной раунд переговоров кого-то с кем-то. Потоцкий не вслушивался. Он думал о том, что Марков не ответил на его письмо. Просто молчание — ни отказа, ни согласия. Это могло означать и то, что старик согласен встретиться, и то, что он не хочет иметь с Потоцким ничего общего.

Снег перестал, но ветер остался — сухой, колющий, с залива. Потоцкий смотрел на Дворцовую площадь. Александровская колонна чернела на фоне серого неба, как гигантская шахматная фигура. По граниту скользили капли от растаявшего снега, и колонна казалась мокрой, живой, дышащей. Туристов не было. В такую погоду они отсиживаются в отелях и музеях, а площадь принадлежит ветру и воронам. Потоцкий любил Петербург таким — пустым, холодным, настоящим. Без мишуры.

Эрмитаж открывался в десять. У Потоцкого было полтора часа. Он зашёл в кофейню напротив арки Главного штаба, взял американо и сел у окна. Напротив, через площадь, Зимний стоял бледно-зелёный, с каплями влаги на кариаидах. У служебного входа уже толпились музейные работники: кто с пропуском на шнурке, кто с портфелем, кто с пакетом из «Пятёрочки». Десять лет назад он мог стоять там же, с таким же пропуском, и ждать, пока охрана откроет дверь. Но десять лет — большой срок.

В пятнадцать минут одиннадцатого он пересёк площадь и подошёл к служебному входу. Охранник — молодой, накачанный, с нашивкой ЧОПа — проверил паспорт и велел ждать. Ждать пришлось минут двадцать. Наконец, из дверей вышла женщина в строгом костюме, представилась помощником заведующего и провела его внутрь.

Они шли по служебным коридорам, длинным, с высокими потолками, с табличками на дверях. Где-то в глубине здания гудел лифт. Помощница не разговаривала, только цокала каблуками по паркету. Потоцкий смотрел по сторонам. Здесь, в недрах музея, не было ни позолоты, ни малахита, ни паркета. Голые бетонные стены, выкрашенные бледно-зелёной краской, которая местами облупилась и висела клочьями. Кабели в пластиковых коробах тянулись под потолком, иногда сворачивая в клубки, похожие на переплетённых змей. Пахло мастикой для полов, старыми тряпками и чем-то химическим — возможно, растворителем для красок. Потоцкий подумал о том, что если бы здесь, в этих коридорах, хранилась правда об операции «Тень», никто бы её не нашёл. Слишком много дверей, слишком много комнат, слишком много мест, где можно что-то спрятать. .

Они спустились на два этажа ниже уровня Дворцовой. Здесь коридоры были уже, потолки ниже, освещение — тусклые лампы дневного света. Табличка на двери: «Отдел учёта перемещённых ценностей. Хранитель — Марков А.Б.».

— Дальше сами, — сказала помощница и ушла.

Потоцкий постучал. Из-за двери ответили не сразу.

— Войдите.

Кабинет был маленький, без окон. Стены — стеллажи с папками. Стол старый, с зелёным сукном и лампой на бронзовом основании. За столом сидел Марков.

Анатолий Борисович. Он был стар, ближе к восьмидесяти. Худой, с длинным лицом и тяжёлыми очками в роговой оправе. Одет в тёмно-серый костюм, несмотря на духоту, в кабинете работал обогреватель. На столе перед ним лежала раскрытая инвентарная книга, и он водил по строчкам пальцем, не поднимая глаз.

— Здравствуйте, Анатолий Борисович.

Марков поднял голову. Глаза у него были серые, выцветшие, но цепкие.

— Потоцкий. — Он произнёс фамилию как медицинский диагноз. — Садитесь.

Потоцкий сел на стул с продавленным сиденьем. Марков смотрел на него молча секунд десять, потом закрыл инвентарную книгу и отодвинул её в сторону.

— Ваше письмо я получил. Вы задаёте вопросы, на которые у меня нет ответов.

— Или есть, но вы не хотите их давать.

Марков снял очки и закусил дужку. Эту его манеру Потоцкий хорошо помнил. Без очков его лицо казалось незащищённым: кожа тонкая, пергаментная, под глазами синеватые мешки.

— Вы знаете, почему я здесь сижу? — спросил он.

— Догадываюсь.

— Сомневаюсь. Я здесь сижу с восемьдесят четвёртого года. До меня этот отдел возглавлял Михаил Самойлович Гуревич, а до него — Георгий Павлович Зимницкий. Люди приходили и уходили, а я оставался. Знаете почему? Потому что я умею молчать.

Потоцкий ничего не сказал.

— Я знал вашего деда, — продолжал Марков. — Павел Андреевич Потоцкий. Мы встречались дважды, в семьдесят первом и семьдесят третьем. Он приезжал сюда, в этот самый кабинет, тогда ещё не мой, и сидел на том же стуле, на котором сидите вы. Он тоже задавал вопросы.

Внутри у Потоцкого что-то сжалось.

— Какие?

— О, примерно те же, что и вы. — Марков надел очки. — Он разыскивал некий ящик. Из Керчи. Он хотел знать, что с ним стало.

— И что ему ответили?

— То же, что я сейчас отвечу и вам. — Марков взял со стола тонкую папку, которую явно подготовил заранее, раскрыл. — Ящик номер семь поступил на перевалочный пункт Пиллау 12 марта 1946 года. Принят майором Потоцкийим П.А., передан далее по цепочке. В Эрмитаж не поступал. В ГМИИ имени Пушкина не поступал. В Киевский музей западного и восточного искусства не поступал. Местонахождение неизвестно.

— Но вы сказали — «передан далее по цепочке». Кому?

Марков перевернул страницу.

— В сопроводительной ведомости, которую вы, я полагаю, уже видели, графа «получатель» не заполнена. В учётной книге перевалочного пункта — та же картина. Но есть одна деталь. — Он подвинул папку к Потоцкому. — Взгляните.

Потоцкий наклонился. В папке лежала ксерокопия страницы из учётной книги. Таблица: номер ящика, содержимое, отправитель, получатель. Строчка «7/Керчь» была вписана, но графа «получатель» — пустая. Зато в графе «примечания» стояла пометка: «S.A., 17.03.46».

— S.A., — прочитал Потоцкий. — Sonderstab Antike.

— Так вы знаете больше, чем я, — произнес Марков.

— Я нашёл эту аббревиатуру в немецком архиве. Но что это за организация?

Марков сложил руки на столе.

— Sonderstab Antike — Особая группа по античности. В официальных документах она не значится. Её не было ни в структуре Аненербе, ни в структуре Оперативного штаба Розенберга, ни в списках трофейных команд СС. Она существовала вне и именно поэтому сохранилась.

— Сохранилась?

— Считается, что она не исчезла в сорок пятом. — Марков говорил тихо, почти шёпотом, хотя в кабинете, кроме них, никого не было. — Она трансформировалась. Часть архивов была уничтожена, часть — вывезена. Люди, работавшие в ней, либо погибли, либо сменили имена. Но структура, идея, если хотите, пережила войну.

— Как?

— Вот этого я не знаю. Я только учитываю то, что проходит через мои руки. А через мои руки прошло достаточно, чтобы я сделал вывод: есть вещи, которые были изъяты из музейного обращения сознательно. Не утрачены, но изъяты.

Потоцкий откинулся на спинку стула.

— Вы говорите загадками, Анатолий Борисович.

— Я говорю так, как могу. — Марков потёр переносицу. — Ваш дед, когда приезжал сюда, был уже немолод. Он нервничал. Он говорил, что должен найти этот ящик, потому что обещал. Кому — не сказал. Но я запомнил одну его фразу. Он сказал: «Толя, есть правда, которая лежит в земле. И есть правда, которая висит на стене. И это не одно и то же».

Потоцкий молчал.

— Когда вы прислали мне письмо, я сразу понял, что вы идёте по его следу. И я подумал: может, и хорошо. Может, кто-то должен.

— Вы дадите мне доступ к фондам?

Марков покачал головой.

— Нет. Фонды трофейного хранения закрыты для исследователей. Но я дам вам кое-что другое.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда старый блокнот в кожаном переплёте и протянул Потоцкий.

— Это рабочий журнал Михаила Самойловича Гуревича, моего предшественника. Он вёл его с сорок шестого по пятьдесят шестой год. Неофициальный, личные записи, заметки, наблюдения. Здесь есть кое-что, что вас заинтересует. Только пообещайте, что вернёте.

— Обещаю.

Марков кивнул.

— И последнее. — Он посмотрел на Потоцкого долгим, тяжёлым взглядом. — Если вы найдёте то, что ищете, а такое может произойти, не спешите. Подумайте. То, что спрятано, иногда лучше оставить спрятанным.

— Так же, как вы оставили спрятанными трофейные фонды?

Марков не ответил. Он снова открыл инвентарную книгу и склонился над ней, давая понять, что разговор окончен.

Потоцкий вышел в коридор, держа в руке блокнот Гуревича. Обложка была потёртой, кожа потрескалась, но страницы внутри сохранились хорошо. Он не стал открывать его здесь, пошёл к выходу, миновал охрану, вышел на Дворцовую.

Снег перестал. Ветер с Невы гнал по площади сухую позёмку. Потоцкий перешёл через дорогу, сел на скамейку в Александровском саду, кое-как укрытую от ветра голыми кустами сирени, и открыл блокнот.

Почерк у Гуревича был мелкий, убористый, с наклоном влево. Записи велись не по датам, а по темам, иногда через три страницы пустого места, иногда подряд. Потоцкий пролистывал страницы, выхватывая глазами слова: «Дрезден», «Керчь», «Мрамор», «Ахилл?», «S.A.».

На семьдесят четвёртой странице он остановился.

«15 апреля 1947 г. Разговор с Потоцкийым П.А. Он нервничает. Говорит, что не может найти голову. Спрашивал про S.A. Я сказал, что не знаю. Это неправда. Я знаю, что S.A. — это не просто архив. Это сеть. Они называют себя «Хранителями». У них есть свои люди в Берлине, в Москве, в Риме. Они следят за перемещением предметов, изъятых по операции «Schatten». Потоцкий думает, что голова в Керчи. Я думаю, он прав».

Ниже — другим почерком, более размашистым, приписка:

«23 сентября 1956 г. Потоцкий П.А. приходил. Сказал, что больше не ищет. Сказал, что нашёл. Но не скажет где».

Потоцкий перевернул страницу, но дальше были только чистые листы. Он закрыл блокнот и долго сидел, глядя на голые ветки сирени и серое петербургское небо.

Дед нашёл.

Дед знал, где голова. И молчал до самой смерти.

Теперь он понимал, почему дед не рассказал. Или начинал понимать. Но понимания было мало. Ему нужны были факты. А факты лежали в закрытых архивах Берлина или в Аиде под горой Митридат.

Он достал телефон и купил билет на завтрашний рейс до Берлина. Его многолетняя виза давала ему такую возможность. Потом написал Соне: «Приеду послезавтра. Нужно будет помочь мне с немецкими архивами». Ответ пришёл через минуту — эмодзи с большим пальцем и вопрос: «Ты в порядке?» Он написал: «Да», — и убрал телефон в карман.

Из Александровского сада он вышел на набережную. Ветер дул с Невы, ледяной, пронизывающий. Потоцкий поднял воротник и пошёл к метро, чувствуя в кармане тяжесть блокнота и ещё одной вещи, которой он пока не мог дать имя. Вещи, похожей на страх, но глубже.

ГЛАВА 5. «ТЕНЬ ВЕНЕРЫ»

Берлин встретил его дождём. Мелкий, холодный, почти горизонтальный, такой дождь пробирается под воротник и за шиворот, сколько ни укутывайся. Потоцкий вышел из аэропорта Тегель, вдыхая влажный воздух, пахнувший керосином и мокрым асфальтом, и сел в такси. Водитель, турок лет пятидесяти, молча включил счётчик и всю дорогу слушал какую-то турецкую поп-станцию, заунывную, с долгими скрипичными проигрышами. Потоцкий смотрел в окно. Берлин был серым, плоским, исчерченным граффити вдоль железнодорожных путей. Потоцкий не любил этот город — слишком много бетона, слишком мало зелени, слишком много истории, которая не даёт покоя. Стена, руины кайзеровских церквей, памятники жертвам. Всё это было на виду и служило несколько нарочитым напоминанием. Потоцкий подумал, что в Москве с памятью иначе: дома предпочитают на заикливаться на ошибках прошлого.

Он снял номер в небольшом отеле на Фридрихштрассе. Три звезды, узкий холл, стойка администратора с табличкой «Bitte klingeln». В номере пахло моющим средством с ароматом лимона. Окно выходило во внутренний двор, где гудела вытяжка из ресторанной кухни. Ему было все равно. Потоцкий бросил рюкзак на кровать, достал ноутбук и сел к столу.

Первым делом он проверил почту. От Керченского музея по-прежнему тишина, ни ответа, ни привета. Зато написал Марков: «Жду возврата блокнота. Не задерживайте». Потоцкий ответил: «Верну через неделю».

Потом открыл переписку с Соней. Она скинула ему список архивов в Берлине, где можно работать с документами Аненербе: Bundesarchiv в Лихтерфельде, Archiv des Auswärtigen Amtes, Staatsbibliothek, Forschungsarchiv für Kulturgeschichte при Гумбольдтовском университете. В конце списка приписка: «Bundesarchiv — лучший вариант. Там работает доктор Бергер, она специалист по защите произведений искусства. Я договорилась о встрече на завтра. 10:00. Не опаздывай:»

Потоцкий улыбнулся. Сонина способность договариваться о чём угодно с кем угодно была одним из немногих качеств, которые она взяла не от него. Он так не умел. «Спасибо. Не опоздаю».

До вечера оставалось несколько часов. Он мог бы поехать к дочери, она ждала его в Дрездене, два часа на поезде или автобусе, но сначала нужно было сделать ещё одно дело. То, ради которого он, собственно, и прилетел в Германию на день раньше. Свидание с фрау Гердой Крюгер.

Она была его единственным союзником в Дрезденской галерее — маленькая, сухая, с короткой стрижкой и привычкой говорить о живописи так, будто это не искусство, а судебно-медицинская экспертиза. Они познакомились много лет назад, на конференции по технологиям реставрации. Потоцкий тогда выступал с докладом о химическом анализе пигментов на боспорских терракотовых статуэтках. Она подошла после и сказала без обиняков: «Ваша спектрограмма врёт». Он спросил почему. Герда объяснила...

Глядя на нее, он почему-то вспомнил внезапно. Тамань. Примерно четверть века назад. Та женщина из его прошлой жизни сидела у костра, и огонь выхватывал её лицо — загорелое, с выгоревшими на солнце волосами. Она спорила с ним о скифской торевтике, доказывала, что он ошибается в датировке, и он тогда, помнится, уступил — не потому, что был не прав, а потому, что ему нравилось смотреть, как она щурится, когда злится. «Я не умею лгать», — запальчиво сказала она однажды. А он тогда подумал: «Но я умею». И не позвонил...

Вскоре после странного знакомства в Дрездене узнал, что Герда Крюгер — химик по первому образованию, что она защитила диссертацию по спектральному анализу старых лаков и что она терпеть не может музейных политиков, потому что «они врут даже тогда, когда им это невыгодно».

Вчера он позвонил ей и сказал, что ему нужен образец с кракелюра «Венеры». Она помолчала секунд десять, он слышал, как она дышит в трубку, и ответила: «Это невозможно. У нас новый протокол». Он сказал: «Герда, это важно. Я позже смогу тебе объяснить». Она снова помолчала. «Приезжай. Только не в галерею. В Берлине».

Они встретились в кафе. Вечер был холодный, терраса пустая. Она пришла и сразу села, не заказывая кофе. Положила на стол бумажный конверт.

— Здесь два микроскопа. Верхний слой — лак и кракелюр. Нижний — грунт. С обратной стороны подрамника я взяла древесный скел, только не спрашивай, как.

— Не спрашиваю.

— И контрольный образец. Рама конца шестнадцатого века из запасников, она точно современна оригиналу.

— Спасибо.

— Не благодари. — Она посмотрела на него поверх очков. — Скажи, что ты ищешь. И почему именно «Венера»?

— Я пока не уверен. Эта картина, наряду со многими другими произведениями, была долгое время в СССР.. Ты это и сама прекрасно знаешь. Меня интересуют приемы реставрации, которые тогда применялись.

— Ну хорошо. — Она достала из кармана халата сложенный листок. — Тогда я скажу тебе то, что тебя сильно удивит. Как и меня, собственно. Я сделала предварительный анализ ещё до твоего приезда. Извини, не удержалась.

— Ну, конечно. И?

— В красочном слое присутствует стабилизатор на основе диоксида кремния.

— Объясни?

— SiO₂, модифицированный полимерной матрицей. Технология разработана в лабораториях IG Farben в 1942 году. В реставрационную практику внедрена только в начале двухтысячных.

Потоцкий почувствовал - вот оно!

— Но это не всё. — Она развернула листок. — Частицы находятся внутри красочного слоя, не на поверхности. Они проникли в структуру пигмента. Это означает, что их наносили одновременно с краской. То есть, в момент создания картины.

— Ты хочешь сказать, что «Спящая Венера» Джорджоне написана в сорок втором году?

— Я хочу сказать, что та «Спящая Венера», которая висит в Дрезденской галерее, написана не раньше сорок второго года. Но на холсте XVI века. С грунтом XVI века. С пигментами XVI века. И с добавлением вещества, которое появилось только в двадцатом веке.

Потоцкий откинулся на спинку стула.

— Это технологически невозможно.

— Именно это я и подумала. Поэтому я перепроверила трижды.

Дождь усилился. Посетители кафе перебрались внутрь, под тенты, а они остались сидеть на террасе.

— Мне нужен независимый анализ, — сказал он.

— Естественно. — Она положила на стол ещё один конверт. — Здесь адрес. Частная лаборатория в Берлине. Дорого, быстро, анонимно. Скажешь, что от меня. Но я не понимаю, что происходит? Картину подменили в СССР?

-

Что-то мне подсказывает, что тут дело гораздо сложнее, - ответил Потоцкий. - Но лучше пока об этом не распространяться.

Она кивнула не слишком уверенно.

Позже, сидя в гостиничном номере на Фридрихштрассе, Потоцкий достал этот конверт и переписал адрес в навигатор. Лаборатория находилась в районе Шарлоттенбург, в двадцати минутах на метро.

Она занимала третий этаж бывшего фабричного здания — кирпич, большие окна, промышленный лифт. На двери скромная табличка: «Analytische Dienstleistungen Dr. Meier». Внутри работал кондиционер. Его встретил мужчина лет сорока: высокий, с залысинами, в белом халате поверх футболки с логотипом какой-то рок-группы. Доктор Майер, хозяин лаборатории, говорил по-английски с сильным немецким акцентом, но техническую терминологию знал безупречно.

— Фрау Крюгер предупредила. Материалы у вас с собой?

Потоцкий отдал контейнер. Майер открыл его, посмотрел на сколы, кивнул.

— Сделаем. Что именно нужно?

— Спектральный анализ пигментов. Газовая хроматография связующего. И радиоуглеродный анализ органических включений в грунте.

— Полный пакет. Это будет стоить....

— Я знаю.

Майер записал данные, выдал квитанцию и сказал, что результаты будут готовы через два дня. Потоцкий хотел возразить, что два дня слишком долго, но промолчал. У него всё равно были другие дела.

Из лаборатории он поехал на вокзал и сел на поезд до Дрездена.

К нему было два часа на размышления. Потоцкий сидел у окна, смотрел на пролетавшие мимо поля и перелески и думал о том, что Герда сказала ему на прощание. «Ты понимаешь, что это значит? Если „Венера“ — подделка, кто-то имел доступ к оригинальным материалам XVI века. А такое возможно только в одном месте, в музейных запасниках. Или в лаборатории, которая работала с музейными запасниками».

Потоцкий понимал.

В Дрездене он вышел на Хауптбанхофе, огромном стеклянном вокзале, перестроенном после объединения Германии. Соня ждала его у выхода с платформы. Он увидел её издали — высокую, в ярко-жёлтом пальто, с рюкзаком на одном плече. Она помахала рукой и пошла навстречу.

— Привет, пап.

— Привет.

Они обнялись коротко, но крепко. От Сони пахло яблочным шампунем и жвачкой. Она отстранилась и оглядела его с ног до головы.

— Ты похудел.

— Много работы. А ты еще выросла.

— И не спишь, похоже. У тебя глаза красные.

— Спасибо за наблюдение.

Они вышли с вокзала и пошли пешком в сторону Альтштадта. Дрезден был непохож на Берлин. Отстроенный заново после войны, с тщательно восстановленными фасадами Цвингера и оперного театра, он казался декорацией, в которую вставили живых людей. Соня рассказывала про школу, про экзамены, про новую подругу из Польши, которая учит её польскому матерному. Потоцкий слушал вполуха, кивал, задавал вопросы и чувствовал, как напряжение последних дней понемногу отпускает.

— Ты голодный? — спросила Соня.

— Есть немного.

— Пошли в «Кафе Европа». Там кормят нормально.

В кафе они сели у окна. Соня взяла пасту, Потоцкий — только кофе. Она посмотрела на него внимательно и сказала:

— Ты же не просто так приехал.

— Не просто так.

— Расскажешь?

— Расскажу. Но не всё.

— Я так и думала. — Она вздохнула, отломил кусочек штруделя, но есть не стала. Потоцкий заметил, что она рисует на салфетке какой-то сложный график.

--- Что это?

--- Расписание моих экзаменов. И твоих самолётов. --- Она не поднимала глаз. --- Я наложила их друг на друга. Угадай, сколько раз они совпали за последнее время?

Потоцкий почувствовал укол, но не понял его природы. Он слишком привык к тому, что Соня --- его союзник, его «взрослый» партнер. Он забыл, что ей девятнадцать.

--- Сонь...

--- Ничего. --- Она быстро скомкала салфетку. --- Я просто хочу убедиться, что когда ты найдешь, что ищешь, ты не потеряешь что-то ещё. Например, мой выпускной. Ладно. Давай по делу. Я нашла кое-что интересное.

Она достала планшет и открыла папку с отсканированными документами. На экране появился список — длинный, в три колонки: номер, название, примечания.

— Это цифровой архив Аненербе, который выложили в открытый доступ два года назад. Немцы оцифровали часть документов. Но есть нюанс, большая часть всё ещё закрыта. Я попробовала сделать поиск по ключевым словам.

— И?

— «Sonderaktion P» — ничего. «Sonderstab Antike» — туда же. «K.U.T.» — аналогично. А вот «Schatten» — пять совпадений.

Она открыла первый документ. Меморандум, датированный 15 марта 1943 года.

Соня прокрутила страницу ниже, к штампам доступа. «Смотри, — сказала она, ткнув пальцем в экран. — Этот файл запрашивали из читального зала всего трижды. Два раза немецкие исследователи, и один раз — русский. Дмитрий Сергеевич Леденёв, запрос от 2015 года».

Потоцкий почувствовал, как внутри что-то ёкнуло. Леденёв был и здесь. Он запрашивал тот же самый меморандум за много лет до него. И снова ничего не сказал. Ни слова.

- Адресован штандартенфюреру Вольфраму Зиверсу. Подпись — доктор Бруно Гилле.

— Гилле? — сказал Потоцкий. — Искусствовед, специалист по античной скульптуре. Ученик знаменитого филолога-классика.

— Ты о нём слышал?

— Читал его довоенные статьи. Хороший учёный. Очень хороший. — Потоцкий взял планшет и стал читать.

Меморандум был длинным, на четырёх страницах, написанным выверенным бюрократическим языком, но содержание от этого не становилось менее чудовищным. Гилле писал:

«Операция „Schatten“ вступает в завершающую фазу. Лаборатория дала удовлетворительные результаты по искусственному старению мрамора. Технология внедрения матрицы в структуру пигмента опробована на образцах и готова к применению. Считаю возможным продолжить операцию в музейных экспозициях Рейха с ноября 1943 года.

Сакральное значение Крыма подтверждено результатами раскопок. Объект, именуемый в документации „Ахилл“, представляет особую важность. Рекомендую его перемещение в главное хранилище. Оригиналы, ослабленные средиземноморским духом, должны быть изъяты из культурного оборота. Их место займут экспонаты эстетически и расологически исправленные. Это обеспечит правильное формирование архетипа грядущих поколений».

Потоцкий перечитал последнюю фразу еще раз и отложил планшет.

— «Эстетически и расологически исправленные», — повторил он.

— То есть они хотели переписать историю европейского искусства? — сказала Соня. — В буквальном смысле? Это ж бред какой-то.

— Нет, нет, не переписать. тут нечто другое. Похоже, что подменить. Оставить форму, изменить содержание. Даже не изменить — чуть сдвинуть. На миллиметр. Так, чтобы никто не заметил, но через сто лет европеец смотрел бы на Венеру и видел не средиземноморскую богиню, а нордическую матрону.

Соня отодвинула тарелку. Есть ей расхотелось.

— Пап, но этого же не случилось? В смысле, они же не успели? Да, и вообще, как на это за столько лет никто не обратил внимание?

Потоцкий не ответил. Он думал о «Спящей Венере», которая висит в Дрезденской галерее. О частицах диоксида кремния в красочном слое. О том, что знал дед. Конечно, не только он. В этом участвовали сотни специалистов, если не тысячи, а значит, их последователи не «не обратили внимание», они сознательно скрывали правду.

— Пап?

— Я пока не знаю, — сказал он. — У нас же завтра встреча в архиве? Посмотрим, что ещё есть.

Вечером они сидели в квартире Марины. Бывшая жена Потоцкийя уехала в командировку, и Соня была одна. Квартира была светлой, с высокими потолками и старой лепниной, похоже, еще довоенная постройка, восстановленная после бомбёжек союзников. В гостиной стояло пианино, на котором никто не играл. На стенах — афиши дрезденской оперы. На книжных полках — тома на немецком, английском, русском. Сонины комнаты были завалены распечатками, эскизами, комиксами. На стене — её собственный рисунок: Кажется, то был Ахилл в современной одежде, с лицом, которое Потоцкий видел на дедовской фотографии.

— Надо же, ты помнишь его? — усмехнулся он.

— Не знаю. Приснилось однажды.

Потоцкий ничего не сказал.

Уже ночью, лежа на диване в гостиной, он смотрел в потолок, слушал, как за окном шуршат шины по мокрому асфальту. Думал о Гилле, о меморандуме, о слове «замещение». И о том, что завтра ему предстоит встреча в архиве, где он, возможно, найдёт ответ. Или возникнут новые вопросы.

Телефон звякнул. Письмо от доктора Майера. Он открыл его, будучи почти уверен в содержании..

«Herr Worontsow. Ich habe eine vorläufige Analyse gemacht. Das Ergebnis ist... ungewöhnlich. Bitte kommen Sie morgen früh. Persönlich».

«Результат... необычен. Приходите завтра лично».

Потоцкий закрыл письмо и сел на диване. Сердце стучало ровно, все складывалось. Майер не написал «положительный» или «отрицательный». Он написал «необычный». В устах немецкого химика это слово значило больше, чем любое другое.

Он встал, подошёл к окну. Дрезден спал. Фрауэнкирхе подсвечивалась прожекторами. Чистый, красивый, отстроенный город, который помнил ужасающую войну и забыл её. И где-то там, в галерее старых мастеров, в зале с климат-контролем, висела «Спящая Венера» и ждала, пока он назовёт её настоящим именем.

ГЛАВА 6. «ДОЧЬ»

Утром Потоцкий проснулся в половине седьмого от того, что в кухне гремела посуда. Несколько секунд он лежал, соображая, где находится. Потолок незнакомый — высокий, с лепной розеткой под люстру. Окно выходит на восток, и солнце уже пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы. Запах кофе. Чужой дом. Он лежал, прислушиваясь к звукам. Звенела сковородка, шипело масло, пахло яичницей — нет, блинами. Соня жарила блины. Потоцкий улыбнулся. Она всегда жарила блины, когда хотела сделать приятное. В детстве, когда она жила с ним в Москве, чуть ли не каждое воскресное утро начиналось с запаха блинов. Потом Марина увезла её в Дрезден, и воскресные блины кончились. Может быть, теперь они начинались снова?

Он встал, натянул джинсы и футболку и вышел в кухню. Соня стояла у плиты в пижаме с покемонами и переворачивала блин на сковородке. На столе дымились две чашки, стоял кофейник, тарелка с нарезанным яблоком и открытая банка нутеллы и вареные яйца.

— Ты готовишь, — сказал Потоцкий.

— Я всегда готовлю. Мама не умеет.

— Да уж, — он улыбнулся.

Он сел за стол, налил себе кофе. Кофе был хороший, не растворимый, а сваренный в турке. Соня помнила его предпочтения. Она поставила перед ним тарелку с блином. Блин был неровный, с подпалинами, но пахло вкусно.

— Ты спал всего четыре часа, — сказала она, садясь напротив. — Я слышала, как ты ходил.

— Не спалось.

— Из-за какого-то письма?

— Все-то ты замечаешь.

— У тебя телефон пиликнул ночью. Ты потом ещё час не ложился. В отличие от Шерлока Холмса, у меня элементарная индукция. — Она намазала блин нутеллой и стала есть, откусывая маленькими кусочками.

Потоцкий смотрел на дочь. девятнадцать лет — тот возраст, когда девочка ещё не стала женщиной, но уже перестала быть ребёнком. Внешне она пошла в мать: те же тёмные волосы, та же манера хмурить брови, когда сосредоточена. Но глаза — его. Серые, с лёгкой зеленцой, и взгляд прямой, оценивающий. Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли понимать больше, чем говорят.

— Что тебе написали? — спросила она.

— Чтобы я пришёл лично. Там какой-то необычный результат исследования.

— Это плохо?

— Это не хорошо и не плохо. Это значит, что результат нестандартный. Он не хочет сообщать в письме.

— Поедешь утром?

— Да.

Соня кивнула и допила кофе.

— Я нашла ещё кое-что вчера. Уже после того, как ты лёг.

— Рассказывай?

Она встала и пошла в свою комнату. Вернулась с планшетом.

— Смотри. Я залезла в раздел Bundesarchiv через университетский доступ. У нас есть подписка на академические базы. Не всё открыто, но кое-что можно вытащить. Я сделала поиск по имени Гилле.

— И?

— Нашла его личное дело. Неполное, отсканированное в низком разрешении. Но есть кое-что интересное.

Она открыла файл. На экране появилась анкета — стандартный формуляр СС, заполненный от руки. Фотография: мужчина лет сорока пяти, с тонкими чертами лица, высоким лбом, острым подбородком. Аккуратная стрижка, очки в тонкой оправе. Больше похож на университетского профессора, чем на офицера. Впрочем, он и был университетским профессором.

— Бруно Гилле, — прочитала Соня. — Родился в 1898 году в Тюбингене. Изучал классическую филологию и археологию в Гейдельберге и Берлине. Докторская диссертация — «Эллинистический портрет и проблема идеального образа». В 1937 году вступил в НСДАП. В 1940-м — в СС. С 1942 года руководитель проектов в структуре Аненербе.

— Интересно. Что ещё?

— Дальше хуже. — Она пролистнула. — В 1943 году он опубликовал статью с разбором книги «Kunst und Rasse». Называется «Die Entgiftung der Antike» — «Обезвреживание античности».

— Обезвреживание? — переспросил Потоцкий.

— Да. Я перевела. Он пишет, что эллинистическое искусство, в отличие от искусства классического периода, — это культурный вирус, который заразил европейскую цивилизацию. Что греческая скульптура навязала Европе ложный идеал красоты — средиземноморский, женственный, декадентский. И что задача нордической расы — исправить это.

— То есть, создать идеальные копии, — медленно произнёс Потоцкий. — Практически неотличимые от оригинала, с микроскопическими изменениями.

— Ты думаешь?.

Потоцкий отодвинул тарелку..

— Тогда это не просто подделка с целью кражи оригиналов, — сказал он. — Это культурная инженерия. Он хотел изменить далекое прошлое, чтобы повлиять на будущее.

Соня закрыла планшет.

— Пап, ты веришь в то, что они успели? Если эти копии существуют, они уже в музеях?

Потоцкий посмотрел на дочь.

— Я думаю, что успели. По крайней мере, частично. «Спящая Венера» — тому подтверждение.

— Но если это правда, то получается, что все, кто смотрит на эти картины и статуи, — они смотрят на ложь?

— На ложь, которая зачастую красивее правды.

— И что ты будешь делать, когда у тебя появятся доказательства?

Потоцкий не ответил. Он пока и сам не мог понять, что делать со всей этой информацией. Ведь нельзя было исключить, что «Спящая Венера» — лишь эксперимент, который хоть и завершился удачно, остался без последствий. Или... Он встал и пошел одеваться.

Спустя несколько часов он был в лаборатории доктора Майера. Тот встретил его в том же белом халате поверх футболки с логотипом, но теперь без вчерашней расслабленности. Лицо было озабоченным. Он провёл Потоцкого в кабинет, плотно закрыл дверь и жестом указал на стул.

— Я проработал ночь, — сказал Майер. — То, что я нашёл, не вписывается ни в одну стандартную категорию. Формально — это не подделка.

— А что?

— Смотрите. — Он развернул монитор к Потоцкому. На экране — спектрограммы, графики, таблицы. — Я провёл четыре теста. Первый — спектральный анализ пигментов. Результат: все пигменты соответствуют венецианской школе начала шестнадцатого века. Ультрамарин из лазурита соответствует афганскому месторождению, которое использовалось до 1530

года. Свинцовые белила — состав характерен для венецианской мастерской. Жёлтый — свинцово-оловянный, второго типа, применялся с 1510-х.

— Пока всё совпадает с оригиналом.

— Да. Второй тест — радиоуглеродный анализ органических включений в грунте. Результат: 1510–1530 годы. Тоже совпадает.

— Но?

— А вот третий тест — газовая хроматография связующего. Я нашёл в красочном слое следы полиэфирной смолы, модифицированной алкидным лаком.

— IG Farben, 1942, — сказал Потоцкий.

Майер посмотрел на него с удивлением.

— Вы уже знаете. Да. Именно так. Вещество синтезировано в Людвигсхафене в сентябре 1942 года. Промышленного применения не получило, но в лабораторных журналах сохранились записи о существовании опытной партии.

— Вы уверены, что вещество проникло в слой не позже?

— Абсолютно. — Майер кликнул по графику. — Вот спектрограмма поперечного среза. Видите? Смола распределена равномерно по всей толщине слоя. Она полимеризовалась одновременно с высыханием красок. Это невозможно при реставрации — реставрационный состав проникает в кракелюр, а не в тело красочного слоя. Здесь он внутри.

Потоцкий молчал.

— Четвёртый тест — дендрохронология, — продолжал Майер. — Я проанализировал древесный скол с подрамника, который вы передали. Дуб. Спилен в Карпатах между 1938 и 1940 годами.

— А оригинальный подрамник, по данным Дрезденской галереи, итальянский тополь, 1510-е.

— Именно. Кто-то заменил подрамник. Сам дуб достаточно старый, но не настолько. Ошибка в четырёхстах тридцати лет.

Потоцкий сидел, глядя на графики. Всё сходилось. Картина была создана в 1942–1943 годах неизвестным мастером, или группой мастеров, которые имели доступ к подлинным материалам XVI века. Холст аутентичен. Пигменты аутентичны. Грунт аутентичен. Даже кракелюр был искусственно состарен. Но две детали выдали их с головой: полиэфирная смола из лаборатории IG Farben и карпатский дуб вместо итальянского тополя.

— Кто мог это сделать? — спросил он вслух.

— Технически? — Майер пожал плечами. — Гениальный реставратор. Или художник, обученный реставрационным техникам. Но это не один человек. Это команда. Химик, который синтезировал смолу. Специалист по старению, который создал кракелюр. Живописец, который работал в манере Джорджоне. Искусствовед, который консультировал по деталям.

— Искусствовед, — повторил Потоцкий. — Гилле.

— Не знаю, кто такой Гилле, — сказал Майер. — Но тот, кто это сделал, знал о живописи больше, чем большинство музейных экспертов.

Потоцкий встал и прошёлся по кабинету. Остановился у окна. За окном был серый берлинский двор — мусорные баки, припаркованные велосипеды, голые ветки платана.

— Доктор Майер, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы же понимаете, что это значит?

— Понимаю. Если одно полотно подделано, то могут быть и другие. Много других.

— Вы можете дать мне письменное заключение?

— Да. Но я бы хотел провести дополнительные тесты. У меня есть доступ к оборудованию в техническом университете — электронная микроскопия, рентгеноструктурный анализ. Если вы не торопитесь.

— Тороплюсь. Но ждать готов.

Майер кивнул.

— Сделаю всё, что смогу.

-

И пока это совершенно не стоит ни с кем обсуждать.

После обеда Потоцкий встретился с Соней у входа в Bundesarchiv. Здание архива находилось в Лихтерфельде, на юго-западе Берлина, в бывших казармах, перестроенных под хранилище документов. Длинные коридоры, лампы дневного света, запах старой бумаги и систем кондиционирования. На проходной у Потоцкого проверили паспорт, выдали гостевой пропуск и попросили оставить рюкзак в камере хранения.

Фрау доктор Бергер ждала их в читальном зале на втором этаже. Это была женщина лет шестидесяти, с короткой стрижкой, в строгом сером костюме и без единого украшения. Говорила она по-английски с лёгким саксонским акцентом, медленно и чётко, как будто диктовала.

— Герр Потоцкий. Ваша дочь написала мне очень любопытное письмо. Она упомянула, что вы исследуете историю перемещённых ценностей в Крыму.

— Совершенно верно.

— Это сложная тема. — Она поправила очки. — Большая часть документов по этой теме была уничтожена при отступлении. То, что сохранилось, — разрозненные фрагменты. Но я подготовила несколько папок, которые могут вас заинтересовать.

Она провела их в отдельный кабинет, где на столе уже лежали четыре архивные папки. Потоцкий сел, надел перчатки — здесь это было обязательно — и открыл первую.

Это были отчёты Sonderkommando Krim — специальной команды, работавшей в Керчи в 1942 году. Списки изъятых предметов, фотографии, планы раскопок. Потоцкий листал страницы, и даты мелькали перед глазами: октябрь 1942, ноябрь 1942, декабрь 1942. В декабрьском отчёте он нашёл то, что искал.

«16.12.1942. Из фондов Керченского музея изъят мраморный фрагмент (голова мужская). Предположительно эллинистический оригинал. Передан в лабораторию Sonderstab Antike. Оригиналу подлежит перемещению в Hauptdepot».

— Что такое Hauptdepot? — спросил он.

Фрау Бергер заглянула в документ.

— Главное хранилище. Термин использовался для обозначения секретных объектов хранения на территории Рейха и оккупированных территорий.

— Где оно находилось?

— Этого я не знаю. В документах оно упоминается, но координаты не указаны.

Потоцкий открыл вторую папку. Здесь были дневники офицеров Аненербе — не официальные отчёты, а личные записи. Он нашёл записи некоего оберштурмфюрера Келлера, датированный январём 1943 года.

«12.01.1943. Посетил лабораторию в Керчи. Доктор Гилле показывал процесс. Технология поражает: они берут подлинные пигменты XVI века, снятые с фрагментов разрушенных алтарей, и наносят на старый холст. Результат неотличим от оригинала. Сам Гилле говорит, что это не подделка, а „замещение“. Интересная мысль».

«15.01.1943. Присутствовал при копировании мраморной головы. Они используют какую-то кислоту для старения поверхности. Гилле говорит, что формулу разработал химик из IG Farben. Голова, которую они копируют, — кажется, греческая. Лицо молодого мужчины. Гилле называет его „Ахилл“. Он говорит, что это ключевой объект. Он хочет изменить форму подбородка — сделать его более волевым. И линию губ — убрать эту скорбную складку. Он говорит: „Скорбь — это семитское изобретение. Античный герой не скорбит. Он сражается“».

Потоцкий поднял глаза от документа. Соня смотрела на него.

— Они хотели переделать Ахилла? — спросила она тихо.

— Да. Сделать его другим. Убрать скорбь. Оставить только ярость.

Он открыл третью папку. Здесь были послевоенные документы — протоколы допросов, показания свидетелей. Один из протоколов привлёк его внимание. Допрос некоего Карла Хёнига, бывшего лаборанта из Керченской лаборатории, проведённый американской комиссией в 1947 году.

«Вопрос: Где находилось Hauptdepot?»

Ответ: Я не знаю точно. Нам не говорили. Но я слышал, как доктор Гилле упоминал „Колыбель“. Он говорил: „То, что не должно вернуться, отправится в Колыбель“.

Вопрос: Что такое „Колыбель“?»

Ответ: Я не знаю. Думаю, какое-то место на территории СССР. Они говорили, что это символично — вернуть подлинники туда, откуда, как считалось, пришла высшая раса. Гилле считал, что античная культура пришла в Европу из Северного Причерноморья — через греческие колонии. Он хотел вернуть её обратно. Запереть там, где она родилась. Чтобы освободить Европу».

Потоцкий закрыл папку. Руки в перчатках вспотели.

— Северное Причерноморье, — сказал он. — Крым. Керчь.

— Главное хранилище — в Керчи? — спросила Соня.

— Скорее, под Керчью. Возможно, в штольне на западном склоне Митридата.

Фрау Бергер, которая всё это время сидела в углу и делала пометки в блокноте, подняла голову.

— Если вы правы, герр Потоцкий, то это открытие мирового масштаба. Но я должна предупредить: вы не первый, кто ищет эти документы.

— Что вы имеете в виду?

— Год назад к нам приезжал человек из России. Представился исследователем. Интересовался теми же папками, которые вы смотрите сейчас. Я запомнила его, потому что он был очень настойчив.

— Как его звали?

— Он не представился. Но у него был доступ к закрытым фондам — а такие разрешения выдаются далеко не каждому.

Потоцкий переглянулся с Соней.

— Вы можете описать его?

— Высокий. Лет сорока пяти. Хорошо одет. Говорил по-немецки с акцентом, но я не смогла определить, с каким именно. — Она помолчала. — И ещё одна деталь. Когда он уходил, он сказал странную фразу. Он сказал: «Тени должны оставаться тенями».

Потоцкий почувствовал холод.

— Спасибо, фрау Бергер. Вы нам очень помогли.

Они вышли из архива в четвёртом часу. Дождь кончился, но небо оставалось серым, низким, берлинским. Они стояли на крыльце, и ветер трепал Сонины волосы.

— «Тени должны оставаться тенями», — повторила она. — Это они. Те, кто хранят тайну.

— Да.

— И они знают, что ты ищешь.

— Полагаю, что да..

Соня взяла его под руку.

— Пап, может, остановимся? Прямо сейчас. Пока не поздно.

— Поздно, — сказал Потоцкий. — Уже поздно. Но тебе точно стоит держаться подальше.

Вечером они сидели в гостиной Марининой квартиры. Она была светлой, с высокими потолками. На окнах тюль, на полу — паркет, который Марина натирала мастикой. На стенах висели её акварели: дрезденские улочки, Фрауэнкирхе, Эльба. Не профессионально, но с душой. Потоцкий смотрел на эти рисунки и думал о том, что Марина нашла здесь себя. После

развода она уехала в Дрезден не от него — к себе. Нашла работу, друзей, хобби. А он остался в Москве с её портретом, который так и не повесил на стену.

Соня рисовала на планшете, Потоцкий просматривал фотографии документов, которые они сняли в архиве. На кофейном столике лежала распечатка протокола допроса — та самая, где упоминалась «Колыбель».

— Знаешь, что странно? — сказала Соня, не отрываясь от рисунка. — Вот этот Гилле. Он же явно был умным человеком. Профессор. Учёный. Как он мог верить в эту чушь — про расовый идеал, про нордическую расу, про скорбь как семитское изобретение?

— Потому что ум и безумие не исключают друг друга.

— Но это же бред.

— Бред, в который верят последовательно, становится системой. А система порождает действие. — Он посмотрел на дочь. — Ты знаешь, кто такой Чезаре Ломброзо?

- Нет.

— Итальянский криминалист. Он измерял черепа преступников. Был блестящим врачом. Создал теорию прирождённого преступника — считал, что склонность к преступлениям определяется формой черепа. Сейчас это выглядит абсурдом. Но на эту теорию опирались тысячи судебных решений. Людей сажали в тюрьму из-за формы ушей. Понимаешь? Как говаривал один недооцененный австрийский художник: “Ложь, повторённая достаточное количество раз, становится реальностью”. Эта идея потом была им развита в абсолют, и все мы знаем к какому кошмару все это привело.

— То есть, подделка, которая становится подлинником?

— Вроде того.

Соня отложила планшет и повернулась к нему.

— Пап, а что, если мы уже опоздали? Копии висят и стоят в музеях так долго, что уже стали подлинниками? Что, если никто уже не помнит оригиналов — и никто не хочет их помнить?

Потоцкий передвинул листки на столе.

— Тогда наша задача — напомнить. Хотя, ты, как я и сказал, должна заниматься своей жизнью, и не лезть в этом во все.

Ночью он снова лежал без сна. В голове крутилась фраза из дневника Келлера: «Лицо молодого мужчины. Гилле называет его Ахилл». И другая — из протокола допроса: «Вернуть подлинники туда, откуда пришла...».

Он закрыл глаза и увидел заросший провал на склоне Митридата. Бетонный край, торчащий из земли. И где-то там, под тысячами тонн камня, мраморная голова, которая смотрит в темноту. Быть может, у него слишком разыгралось воображение? Кто он вообще такой, чтобы брать на себя такую миссию? И если это правда, готов ли он, никогда не отличавшийся храбростью, столкнуться с теми, кто хранит настолько серьезные секреты? А на что пойдут они? .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.